

Е. В. Полухина,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
г. Москва

УРАЛМАШ КАК РАЙОН РАБОЧЕГО: МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО КЕЙС-СТАДИ¹

В статье описан процесс сбора данных на территории района Уралмаш и показано, как это может быть реализовано в стратегии этнографического кейс-стади. Статья ставит целью очертить методический портрет проведенного исследования: указать особенности доступа в поле, специфику проводимых tandemных интервью, рабочих как группы информантов. Сбор данных по схожей методологии позволяет делать сравнения и показывать различия функционирования социального феномена (подобных районов) в разных условиях.

Ключевые слова: Уралмаш, район, рабочий, завод, идентичность, этнографическое кейс-стади, постиндустриальный

Изучение отношений внутри локальных территорий — традиционный объект для качественной социологии, отсылающий нас к работам чикагской школы и классикам британской социальной антропологии. Изучение культуры, многообразие социальных практик, идентичности локальных территорий (а чаще — городских районов) становится распространенным сюжетом социальных исследований в отечественной и зарубеж-

¹ Статья подготовлена в рамках исследования «Быт и культура индустриальных рабочих: этнографическое кейс-стади заводского района, г. Екатеринбург» (№ 117-02-0003) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета „Высшая школа экономики“ (НИУ ВШЭ)» в 2017–2018 гг. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100». — *Прим. авт.*

Эта и две следующие статьи посвящены одному исследованию, поэтому мы помещаем их вместе. — *Прим. ред.*

ной исследовательской работе [1]. В период экономических трансформаций особую актуальность приобретает переосмысление территории индустриальных (промышленных, заводских) районов, которые ранее находились в центре государственных интересов, а сейчас занимают периферийное положение, особенно на территории постсоветского пространства.

Этнографическое кейс-стади: как это можно делать «на районе»?

Вопросам изучения организаций в традиции кейс-стади уделено достаточно внимания, в том числе и в отечественной литературе [2; 3; 4]. Однако возникает потребность в проговаривании познавательных возможностей полевого исследования на территории городских районов, экспликации схожих опытов в целях дальнейшего грамотного и эмпирически сопоставимого применения. В качестве предметной области выбран широкий пласт социальных отношений — культура, представленная различными практиками повседневной жизни резидентов изучаемого района.

Адекватной методической рамкой для изучения культуры городских районов, идентичности ее жителей представляется особый жанр полевого исследования — этнографическое кейс-стади — стратегия исследования, направленная на последовательное и детальное изучение одного объекта с учетом различных доступных способов сбора данных. Одним из уже реализованных примеров исследований данного жанра является европейский проект MYPLACE [5]. В целом этнографический метод и кейс-стади обладают общими для качественного полевого исследования допущениями. Они в первую очередь связаны с особенностями доступа в поле, гибкостью подхода, отбором объектов, логикой интерпретации [6; 7]. Случай (кейс) в данном контексте — эмпирический объект, отдельный фрагмент социальной реальности, ограниченный в пространстве и времени. А кейс-стади — исследовательская стратегия, направленная на глубокий, интенсивный, полный и комплексный анализ социального феномена на примере отдельного эмпирического объекта (случая) с учетом различных доступных методов сбора дан-

ных. Цель подобной исследовательской деятельности — выявление общих тенденции, типичных практик, а в рамках прикладных задач — постановка «социального диагноза» изучаемого явления. Подобные «качественные исследования проводятся на одном или нескольких объектах, которыми являются некое сообщество, отдельно взятое социальное явление, класс действий или область деятельности, даже биография отдельного человека» [8, с. 5]. Сущность же исследования в стратегии кейс-стади заключается в том, чтобы, детально изучив один или несколько случаев, раскрыть содержание глубинных процессов [2, с. 66].

Некоторые исследователи отказываются считать включенное наблюдение обязательным методом в стратегии кейс-стади. Поэтому мы считаем важным обозначить в нашем проекте «этнографичность» сбора данных, заключающуюся во «вживании» в культурный контекст — проживании команды исследователей в течение месяца в районе исследования, «беспрерывном» участии в районных практиках. Мы осознаем, что этнографический метод в классическом виде отличается более долговременным характером исследования, однако предполагаем, что за время полевой работы нам удалось «попробовать понять» культуру изучаемого района. Для иллюстрации приведем запись в дневнике от первого полевого дня:

Роман [хозяин арендуемой нами квартиры] одет в спортивную одежду, кофту Nike. Я тут же подумала, что угадала с полевым образом: взяла куртку с капюшоном, кроссовки Nike и рюкзак. Мне казалось, что так я буду походить на обычного жителя этого района и при этом легко себя чувствовать для полевой работы. После пары часов в таком образе и ходьбы по району я почувствовала себя не очень, как какой-то парень [дневник от 14 июня].

Далее, на третий день полевой работы, исследователь довольно свободно вступает в коммуникацию с жителями района:

В магазине со мной поздоровались, но я там первый раз. Стою в очереди: маленький мальчик, стоящий передо мной, жалеет, что не может купить гематоген, переживает, что хватает только на мороженое. Мне не могут дать сдачи, так как нет 50 коп., парень с радостью

отдает мне свои 50 копеек. Я в небольшом шоке от детской щедрости, далее дала ему 12 рублей на гематоген [дневник от 17 июня].

Два этапа проекта: вторичный анализ => полевой сбор

По аналогии с изучением организаций [4], мы разделили стадии сбора данных на два основных этапа. Первый, подготовительный этап, был преимущественно осуществлен за несколько месяцев до полевого. Он включал описание района на основе доступных данных (сайт администрации района, данные архивов и др.) по следующим характеристикам: историческая справка, описание стадий развития района; финансирование; динамика численности и состава жителей. По результатам проведенного анализа мы предпочли сосредоточить свое внимание на группе резидентов — рабочих завода Уралмаш (выполняющих физическую работу в цеху) и жителей одноименного района. Остальные группы (как в районе, так и на заводе) нас интересовали в меньшей степени, они скорее выступали как дополнительные, проясняющие ситуацию с рабочими.

Второй этап нашего проекта — полевой, состоящий преимущественно из наблюдения и интервью с различными акторами района, преимущественно с рабочими завода Уралмаш и жителями одноименного района. В рамках полевого этапа нас интересовали рабочие, их культура и самоощущение через призму происходящих изменений на районе и заводе. В рамках описания и наблюдения района нас интересовали следующие сюжеты: группы акторов (состав, отношения внутри, формы солидарности); материальная культура района (жилье, современные точки быта); «знаковые» места; язык; конфликты и способы их решения.

Район Уралмаш как контекст или объект исследования?

Кратко обозначим историю выбранного кейса — района. Уралмаш — жилой район северной части г. Екатеринбурга, основанный в 1927 году как рабочий поселок одноименного «завода заводов». На данный момент официально эта территория относится к Орджоникидзевскому району г. Екатеринбурга. По данным муниципального регистра населения на 2015 год на

Уралмаше проживает свыше 190 тыс. человек. Для жителей этого района свойственен «районный патриотизм», территориальная идентичность «уралмашевцев». Название «Уралмаш» носят или носили футбольный клуб, стадион, станция метрополитена, организованная преступная группировка, общественно-политический союз.

Понимание «рабочего» через изучение контекста, в котором он «живет»

Рис. 1. Иллюстрация исследовательского фокуса

Уралмаш — ярчайший пример соцгорода (социалистического города), замкнутого районного образования при промышленных предприятиях. Инфраструктура района-города предполагала многообразие бытовых общественных учреждений: предприятия общественного питания (фабрики-кухни), прачечные, починочные мастерские, детские сады, школы, лечебные учреждения, парковые зоны, дома культуры. Помимо Уралмаша были созданы десятки подобных городов. Проекты соцгородов создавали концепцию нового, общего быта советского рабочего. Место жительства — однотипное, в среде рабочих «твоего» завода, ближайшее от завода — есть своеобразное место контроля работника. В свою очередь, территориальная и социальная привязанность жилья к заводу являлась основой для немобильности, «укоренения» на одном рабочем месте, одной территории. Отказ от социалистического строя, переход к рыночной эконо-

мике привели к изменению принципов работы заводов, изменению социально-экономических отношений. Нас интересовали такие вопросы: как и чем живет современный рабочий завода Уралмаш? Как воспринимает себя, завод и район через призму произошедших изменений? Для понимания этого нам нужно изучить, что сейчас происходит на районе и заводе.

Доступ в поле: район открыт, но где здесь рабочие?

Попадание в район исследования не являлось затруднительной задачей. Как и обычный район, Уралмаш — публичное открытое пространство города Екатеринбурга, куда может попасть любой желающий. Последнее время район и его «активисты» проводят культурные мероприятия (концерты, симпозиум, активность на Белой башне), что способствует потоку разнообразных аудиторий, привлекает к новым практикам жителей. Несколько месяцев ранее мы командой исследователей посещали район и у нас были контакты некоторых жителей района и людей, кто работает с жителями или «на районе».

Рис. 2. Подъезд пятиэтажного дома, район Уралмаш

Ближе к полевому этапу мы легко забронировали скромные апартаменты на сайте [booking.com](https://www.booking.com) и стали временными жителями «старого» Уралмаша, проживающими на улице 40-летия Ок-

тября в доме № 34. Это кирпичный пятиэтажный дом 1950–1960-х годов постройки. Таких домов довольно много строилось на Уралмаше, изначально для работников завода. Наш дом был расположен относительно рядом с заводом Уралмаш (800 метров) и основными главными точками района — Белой башней, стадионом, рынком, бульваром Культуры и другими.

Доступ к рабочим: «дверь закрыта, мы — в окно»

В изучении «района» доступ к полю более легок, чем при изучении организаций. Немногие авторы указывают на свои «провалы» вхождения в поле. Так, В. Борисов отмечал, что в случае «неудачного» доступа в поле надо понять, что туда «не входят дважды». Самый рациональный выход из этой ситуации — попытка найти «недоступному» полю адекватный эквивалент [9, с. 203–205]. Свои неудачи В. Борисов, как правило, объясняет ошибками в переговорах с официальными лицами. Исследователям известны примеры многолетних, но не приведших к успеху переговоров [10, р. 55–56]. В изучении такого кейса, как район, есть возможность вхождения с разных сторон: «сверху» через официальные договоренности/письма и через личные (вне администраций и завода — в случае с Уралмашем). Второй вариант (через личные контакты) в нашем случае оказался более действенным. Возможно, это объясняется характером интересующей нас группы — рабочими, которые скорее негативно воспринимают подобные инициативы сверху.

Надо отметить, что найти доступ к рабочим завода только на первый взгляд оказалось сложной задачей. Было понятно, что к нашему приезду желательно уже иметь несколько договоренностей об интервью и понимать, кто будет нам помогать в контактах. На самом заводе Уралмаш у нас было несколько контактов, с которыми мы связывались и пытались выйти на рабочих. У нас был составлен пакет документов (пояснительных писем), рассказывающих о проекте рабочему, специалистам кадровой службы, директору. Однако нынешняя ситуация на заводе и попытки наших «переговорщиков» расположить рабочих к исследованию не увенчались успехом. Мы поняли, что действовать «сверху» через завод затруднительно, обратились к нашим кол-

легам-социологам и попросили через личные контакты помочь нам выйти на рабочих. Так благодаря бывшей сотруднице завода («хорошая знакомая рабочих») мы получили первые контакты и договоренности на интервью.

В дальнейшем мы побывали неоднократно и на самом заводе, провели экспертные интервью и установили контакты с другими группами сотрудников, жителями района. В целом с каждым полевым днем мы все интенсивнее «обрастали контактами» и, честно признаться, с трудом успевали собирать эмпирические материалы, фиксировать их, делать регулярные записи в дневниках. В наши круги общения вовлекалось все больше людей, желающих принять участие в исследовании. Поле все менее отделялось от нас, записи в дневник становились все более редкими, так как с каждым днем нам уже многое становилось понятным и привычным. Мы представляли себя в прозрачном аквариуме, где уже довольно свободно «плаваем». Мы использовали телефон для связи с последующими участниками исследования. Подобно «дыхательной трубке» в аквариуме, телефон соединял нас с новыми участниками проекта.

Рис. 3. Подъезд дома на ул. Красных партизан. Социолог после интервью с экспертом договаривается о следующей встрече у Белой башни

В итоге в мае и июне 2017 года базу собранных материалов составили пятнадцать биографических интервью с рабочими завода Уралмаш, живущих в районе Уралмаш (часть из них сопровождалась последующей биографической прогулкой по району); восемь интервью с экспертами; архив газеты «За тяжелое машиностроение» (2015–2017); дневники наблюдения (три «авторских» дневника с регулярными записями о полевой работе и жизни «на районе»). Сбор данных осуществляли социологи-исследователи Александрина Ваньке, Елизавета Полухина и Анна Стрельникова.

«Вдвоем надежнее»: тандемные интервью как тактика полевой работы

Согласно нашей задумке, интервью должны были проходить дома либо в любом другом месте района, удобном для участника-рабочего. Уралмаш как район — весьма «многозначимая» территория, особенно для молодых исследовательниц. Мы проводили все интервью с участием минимум двух исследователей с целью «надежности», понимаемой, с одной стороны, как исследовательская безопасность. Тема безопасности района часто появлялась в дневниковых записях исследователей. К примеру, этот сюжет:

Дома обменивались впечатлениями:

– Когда мы тут шли, у «Верного» [магазин около дома исследователей], внизу, так страшно стало. Компания одних парней идет к нам на встречу, «страшные» такие. И тут же рядом другая компания, такие же, спортивные. Я думаю: ну вот, если одни из них пристанут, то мы попросим вторых нас защитить.

– Я тоже та-а-а-к тогда испугалась! И об этом тоже подумала!!! (смех) [дневник от 25 мая].

С другой стороны, практика тандемных интервью способствует получению более «надежных» данных, так как сбор идет двумя исследователями: второй технически (делает записи, следит за диктофоном, записью видео, фотографирует) и эмоционально помогает, появляется возможность дальнейшего обсуждения и более адекватной интерпретации данных. Всего нас было трое исследователей, поэтому проводить интервью по очереди

ди, по двое в команде, регулярно меняться ролями, было довольно легко.

Практика тандемного интервью довольно редкая, но уже осмыслена исследователями [11, р. 96; 12, р. 306; 13]. Так, социолог Анна Турчик в своей диссертационной работе заключает: «...несмотря на то, что сегодня традиционно приписываемые второму интервьюеру обязанности райтера, контролера и свидетеля возложены на записывающие устройства, наличие второго интервьюера важно, поскольку он оказывает существенное влияние на коммуникативную структуру складывающейся здесь и сейчас ситуации взаимодействия. Наличие второго интервьюера, осуществляющего определенные коммуникативные действия (аффилиация, контроль, поддержка), позволяет приблизить подобную форму разговора-во-взаимодействии к обыденной беседе... Подобные характеристики снижают степень формализации ситуации взаимодействия, способствуя тем самым получению необходимой и релевантной информации» [13, с. 122].

Интервью с рабочими имели общую логику и процедуру. Сначала мы предварительно созванивались, договаривались либо подтверждали встречу. Далее при встрече рассказывали о нашем проекте, подписывали информированное согласие об участии в исследовании, где были подробно прописаны этические моменты, учитывающие работу с записью, фото- и видеоматериалами. Далее один из нас (обычно тот, кто созванивался и был в основном контакте с информантом) проводил интервью по следующим темам: биография как экспликация социального опыта, жизнь на районе/заводе, подробное расспрашивание о практиках, образе жизни, заполнение бланков для проективных методик (социальные связи, ментальная карта района).

Во время интервью с рабочими второй исследователь делал записи, заполнял анкету с социально-демографическими характеристиками (возраст, место рождения, должность, длительность работы на заводе, семейное положение, жилищные условия и др.). После интервью мы предлагали некоторым участникам сделать завершающую прогулку по району. Оговоримся, что прогулку мы предлагали не всем участникам, а лишь тем,

кто, по нашим ощущениям, располагал для этого временем и желанием. В среднем одно интервью без прогулки занимало около 1,5–2 часов, с прогулкой — около трех (в некоторых случаях интервью начиналось с прогулки, в одном случае мы перенесли прогулку на другой день). В итоге места проведения интервью распределились следующим образом: дома (11), в саду (1), на работе (1), в кафе (1), во дворе (1). Сравнивая эти ситуации, мы понимали, что контекст дома рабочего дает «богатую» визуальную информацию, возможность понять «как живут». Однако роль «гостеприимного хозяина» часто конфликтует с ролью «информанта». Дома часто возникали «помехи», отвлекающие от рассказа, такие как животные (кошки, собаки) либо родственники. Поэтому интервью на нейтральной территории (кафе, двор) кажутся более рефлексивными, сфокусированными. Запись в дневнике иллюстрирует «помехи» со стороны родственников:

Э. является представителем группы рабочих-интеллигентов. Он не склонен к общению с людьми, сам в этом признается. Не окончив высшего образования, он работает на заводе и относительно неплохо зарабатывает. В интервью постоянно вмешивалась его мама — дама лет 70-ти. Она скорее хотела помочь, но одновременно с этим она несколько опекала Э. и он был этим недоволен «Мама, иди...» [дневник от 24 мая].

Общение с рабочими не всегда было легким, многие истории были трагичными. В целом у наших рабочих есть ряд личных качеств, которые их характеризуют как «золотых» информантов. Они ответственные: ни разу не опаздывали, не задерживались, своевременно отвечали на звонки, открывали двери и были гостеприимны. «Конечно все в силе! Жду!» — типичная для них фраза, когда мы подтверждали встречу по телефону. Они открыты к общению, говорят довольно искренне, эмоционально, без «утайки», даже о сенситивных вещах — финансы, личная жизнь и другие подобные темы легко и детально обсуждаются в беседах. Рабочие в целом были открыты к общению, у них было желание и время о себе рассказать. Многие из них излишне эмоциональны, а те, кто обладал только школьным образованием, испытывали трудности с выполнением проективных

заданий: «Как район нарисовать? Как он на листке-то поместится?»

Методологи часто задаются вопросом «Как сделать содержание материала достаточно стандартизированным, чтобы результаты были сравнимы с результатами других исследований?». Ответом является разработка подхода, применение которого возможно для нескольких эмпирических объектов. В таких случаях инструментарий «...был разработан вначале для одной страны, а затем использован во многих сравнительных исследованиях» [14]. Таким образом, актуализация единого подхода для сбора данных на территории индустриальных районов позволит исследователям со схожими объектами производить сравнения, чтобы показать различия функционирования социального феномена в разных условиях [15].

Литература

1. Martin G. P. Residents, interviewees, class representatives? Reflections on the use of qualitative interviews in knowing the worlds of gentrification // *Qualitative Housing Analysis: An International Perspective*. Emerald Group Publishing Limited, 2008. P. 115–139.

2. Козина И. М. Особенности применения стратегии «исследования случая» (case study) при изучении производственных отношений на промышленном предприятии // *Социология*: 4 М., 1991.

3. Козина И. М. Case study: некоторые методические проблемы // *Рубеж*. 2006. № 10–11.

4. Романов П. В. Стратегия case-study в исследовании социальных служб. Социологические исследования. 2005. № 4. С. 102.

5. Myplace Thematic Report [Электрон. ресурс]. URL: https://myplaceresearch.files.wordpress.com/2016/06/160622_eu-referendum_special1.pdf (дата обращения: 22.06.2017).

6. Полухина Е. В. Case-study как исследовательская стратегия // *Case-study — образовательный и исследовательский опыт*

в междисциплинарном контексте: сборник научных статей по итогам междисциплинарного научного семинара кадрового резерва «Проблемы и перспективы использования метода case-study: междисциплинарный опыт». СПб.: Отдел оперативной полиграфии НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург, 2013. С. 5–21.

7.Полухина Е. В. Этнографический метод в отечественных социологических исследованиях // Социологические исследования. 2010. № 7. С. 143–147.

8.Романов П. В. Микроуровень социальной реальности: возможности междисциплинарного подхода // Социологические исследования. 2002. № 3

9.Борисов В. Социология для самых маленьких // Рубеж. 1996. № 8–9.

10.Hammersley M. What Wrong with Ethnography. *Sociology*. V. 24. 1990.

11. Bechhofer F., Elliot B., McCrone D. Safety in Numbers: On The Use of Multiple Interviewers // *Sociology*. 1984. Vol. 18. № 1. P. 97–100.

12. Kincaid H.V., Bright M. Interviewing the Business Elite // *American Journal of Sociology*. 1957. Vol. 63. № 3. P. 304–311.

13. Турчик А. В. Конверсационный анализ речевого взаимодействия в ситуации исследовательского интервью [Электрон. ресурс]. URL: <http://golden.cominfo.rutgers.edu/RussianCA/publications/Turchik2010.pdf> (дата обращения: 22.06.2017).

14. Доган М., Пеласси Д. Сравнительная политическая социология. Интернационализация аналитических категорий. Метод изучения отдельного случая в практике сравнительного анализа [Электрон. ресурс]. URL: <http://podelise.ru/docs/49810/index-3944-3.html?page=2> (дата обращения: 22.06.2017).

15. Stake R. E. Multiple case-study analysis. The Guilford Press, 2006. P. 339.